

Фахрутдинов Наиль Фаннурович

ПОДГОТОВКА НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В ТАТАРСКОЙ АССР В 1920-Е ГГ.

Статья посвящена истории подготовки научно-педагогических кадров в ТАССР в 1920-е годы. Автором рассматриваются основные формы и пути решения проблемы новых кадров в вузах Казани.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-2/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. II. С. 188-192. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(470.41):378

Статья посвящена истории подготовки научно-педагогических кадров в ТАССР в 1920-е годы. Автором рассматриваются основные формы и пути решения проблемы новых кадров в вузах Казани.

Ключевые слова и фразы: аспирантура; аспиранты; ассистенты-практиканты; научно-педагогические кадры; студенты-выдвиженцы.

Наиль Фаннурович Фахрутдинов

Кафедра истории Татарстана и регионоведения

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет

nailfakhrutdinov@mail.ru

ПОДГОТОВКА НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В ТАТАРСКОЙ АССР В 1920-Е ГГ. ©

Важными условиями полноценного развития системы высшего образования и науки являются постоянное самовоспроизводство новых научно-педагогических кадров, поддержание необходимого соотношения опытных и начинающих специалистов, сохранение преемственности смены научных поколений. В связи с тем, что проблема кадров в вузах и научных учреждениях является актуальной и в современных условиях, представляется полезным и интересным обратиться к опыту 1920-х годов, когда происходило складывание советской системы подготовки научно-педагогических работников.

В начале 1920-х годов вузы Казани из-за отъезда в другие города страны значительной части ученых испытывали острый недостаток научно-педагогических кадров, что отрицательно сказывалось на ходе всей учебной и научно-исследовательской работы. Дополнительные трудности были связаны с происходившим тогда процессом расширения сети вузов в Казани. В первую очередь новые вузы столкнулись с кадровыми проблемами. Несмотря на широкое распространение совместительства, многие кафедры оставались вакантными, специалистов, способных или желающих их возглавить, не было.

Выходом из сложившейся ситуации стало упразднение части вузов путем их закрытия или слияния нескольких учебных заведений. Так, малочисленность квалифицированных профессорско-преподавательских сил стала одной из причин закрытия в 1924 г. по постановлению Главпрофобра Наркомпроса РСФСР Казанского политехнического института. В августе 1922 г. Высший институт народного образования, Восточная Академия и факультет общественных наук Казанского университета были слиты в один вуз - Восточно-педагогический институт (ВПИ).

Первоначально одним из основных путей решения кадровой проблемы для вузов страны стала подготовка новых научно-педагогических работников через сохранившийся от дореволюционной высшей школы институт профессорских стипендиатов. Прежде выпускники университетов, изъявившие желание заниматься научной и педагогической деятельностью, по выбору и рекомендации профессоров зачислялись на срок от двух до трех лет профессорскими стипендиатами «для подготовки к профессорскому званию». Кандидаты на профессорские должности должны были последовательно защитить магистерские и докторские диссертации по избранной специальности. Срок подготовки магистерской диссертации обычно составлял 5-7 лет, а докторской - 10-12 лет [1, с. 50].

В первые послереволюционные годы основной контингент оставленных для приготовления к профессорскому званию комплектовался из студентов дореволюционного приема, сумевших проявить себя в период учебы. Одним из первых профессорских стипендиатов в Казанском университете был известный советский историк-марксист С. П. Пионтковский. В декабре 1917 г. он сдал магистерский экзамен по русской истории, а в марте 1918 г. - по политэкономии. Тогда же совет историко-филологического факультета еще на год продлил ему срок пребывания в университете для подготовки к профессорскому званию. С 1919 по 1921 год профессорским стипендиатом был ученик профессора Н. Н. Фирсова Г. С. Губайдуллин, который позднее стал первым профессором-историком из татар. В июле 1919 года по предложению профессора Н. Н. Парфентьева при кафедре математики был оставлен П. А. Широков, показавший глубокие познания в области неевклидовой геометрии и написавший сочинение, удостоенное золотой медали. В 1921 году на кафедре русской истории была оставлена М. В. Нечкина, которая еще в 1919 году, будучи студенткой третьего курса, написала работу на тему «Приложение теории экономического материализма к объяснению русской истории в трудах русских ученых». Став профессорским стипендиатом, М. В. Нечкина продолжила работу над этой темой, и в 1922 г. в Казани вышла ее первая книга «Русская история в освещении экономического материализма (историографический аспект)». Таким образом, можно утверждать, что в числе первых советских профессорских стипендиатов университета оказались достойные кандидатуры для научной смены, выбор их научных руководителей был правильным и вполне оправданным.

Определить точное количество профессорских стипендиатов довольно проблематично, поскольку различные источники называют разные цифры. Так, по сведениям Ш. Х. Чанбарисова в Казанском университете к началу 1920-1921 уч. года было оставлено 33 стипендиата [19, с. 358].

По данным Л. В. Ивановой в 1921 году для подготовки к научной и преподавательской деятельности было оставлено 27 человек [4, с. 87]. По архивным источникам на 1 апреля 1922 года в университете числилось всего 17 профессорских стипендиатов [12, л. 30]. Приведенные данные свидетельствуют о постепенном сокращении количества стипендиатов, что, видимо, в первую очередь, было связано с тяжелыми материально-бытовыми условиями начала 1920-х гг.

Профессорские стипендиаты работали под руководством профессоров по специальным программам. По окончании срока обучения они должны были прочитать две пробные лекции: одну - по теме, предложенной факультетом, другую - по теме, избранной самостоятельно. С 1921-1922 г. лица, оставляемые для подготовки к научно-педагогической деятельности, стали называться научными сотрудниками II разряда.

В 1922 году в КГУ начинается замена «классово-буржуазного отбора научных сотрудников, производившегося до сих пор профессурой, классово-пролетарским отбором» [9, с. 319]. На факультетах был проведен отбор среди выпускников университета в профессорские стипендиаты и ординатуру. В созданных для этой цели комиссиях разгорелась острая борьба относительно критериев отбора кандидатов. Профессура выдвинула предложение об отборе кандидатов путем факультетской баллотировки, но оно было отвергнуто. В итоге при кафедрах были оставлены 23 человека, в ординатуру из подавших заявление 92 человек были приняты лишь 30 [5, с. 139].

Подобная же система подготовки новых кадров в начале 1920-х гг. применялась в Восточно-педагогическом институте. В 1922 году здесь для научной работы были оставлены 9 человек. Трое из них, пройдя необходимую подготовку, стали самостоятельными преподавателями вузов Казани. В их числе был выпускник факультета общественных наук Казанского университета историк М. К. Корбут, обучавшийся на кафедре марксизма и политэкономии. Еще в студенческие годы под руководством В. В. Адоратского он написал свою первую научную статью «Производственные силы и их роль в обществе». В 1923 г. на кафедре методики географии ВПИ был оставлен Н.-Б. З. Векслин, который в начале 1930-х гг. стал ректором КГУ.

Система «оставления» при кафедрах, не имея планового и организованного характера, не могла в достаточной степени удовлетворить растущие потребности вузов в профессорско-преподавательских кадрах. Как отмечает Б. Д. Лебин, еще «не были сформулированы требования к лицам, оставляемым для подготовки к научной деятельности, порядок их академической и идеологической подготовки. Не ясно было, чем должна завершиться их подготовка» [11, с. 23]. Поэтому был продолжен поиск более эффективных форм подготовки квалифицированной научной смены.

Одновременно принимались меры по подготовке марксистских кадров преподавателей, прежде всего по общественным дисциплинам. Для этого была создана сеть специальных, сугубо партийных учебных заведений: Социалистическая академия общественных наук, Институт красной профессуры, коммунистические университеты и др. Однако, понятно, что в 1920-е годы в достаточной степени обеспечить все остальные вузы страны новыми кадрами, удовлетворяющими с партийной и классовых точек зрения, они еще не могли. Так, первый выпуск института красной профессуры, состоявшийся в 1924 г., составил всего 52 человека [2, с. 41]. Открытый в 1922 году в Казани Татарский коммунистический университет готовил в основном не научные кадры, а работников для советских и партийных органов ТАССР и других республик с тюркским населением.

В 1925 году, после того, как Наркомпрос РСФСР разработал и утвердил «Положение о порядке подготовки научных работников при высших учебных заведениях и научно-исследовательских учреждениях», в стране была введена аспирантура как единая форма подбора и подготовки новых научных и научно-педагогических кадров. Лица, успешно завершившие подготовку, получали право преподавания в вузах или работы в научно-исследовательских учреждениях.

Прием в аспирантуру вузов производили отборочные комиссии, в состав которых в соответствии с указаниями ГУСа входили ректор, деканы соответствующих факультетов и представители общественных организаций. Данные комиссии рассматривали кандидатуры, представляемые предметными комиссиями вузов. При этом не исключалась возможность подачи индивидуальных заявлений. В выдвижении кандидатов в аспирантуру активное участие принимали партийные, комсомольские и профсоюзные организации вузов, которые, наряду со способностями, учитывали социальное происхождение кандидатов. Предпочтение в первую очередь отдавалось лицам рабоче-крестьянского происхождения, что полностью соответствовало проводившейся политике пролетаризации высшей школы, которая должна была способствовать ускоренному обновлению социального состава интеллигенции вообще, и ее научно-педагогического отряда в частности.

Однако в первые годы после своего введения аспирантура еще не была в состоянии не только быстро и кардинально изменить социальный состав научно-педагогических кадров ТАССР, но и сколь либо заметно увеличить их количество. В первую очередь это было связано с малочисленностью аспирантов в вузах Казани. Так, в докладной записке ректора Госплану ТАССР о состоянии университета на 1 марта 1926 года отмечалось, что «в отношении подготовки новых научных работников Казанский государственный университет находится в критическом положении». В это время в КГУ имелось всего 6 штатных аспирантских мест [10, с. 267]. На 1 сентября 1927 года в университете насчитывалось 16 аспирантов (1 был сверхштатным), на 1 октября 1928 года - 20 [7, с. 20].

В остальных вузах ситуация была схожей. В институте сельского хозяйства и лесоводства в течение 1926 года в аспирантуру было зачислено всего 3 человека, в 1927-1928 уч. году - 2 [8, с. 134]. В ветеринарном институте в 1925-1926 гг. обучалось 5 аспирантов [16, с. 289].

Для сравнения: в МГУ в 1926 г. насчитывалось 229 аспирантов [2, с. 31]. Доля аспирантуры МГУ относительно всех университетов страны в 1927 г. составляла 61%, в 1929 г. - 55% [Там же, с. 30]. Как видим, в этот период масштабы подготовки новых научных кадров в вузах Казани и Москвы были трудно сопоставимы.

До 1930 года в Казани аспирантура имела только в университете, ветеринарном институте и институте сельского хозяйства и лесоводства. Восточно-педагогический институт, несмотря на неоднократные обращения руководства в ГУС, права на подготовку научно-педагогических кадров через аспирантуру не получил. Вполне очевидно, что данное обстоятельство не могло не обеспокоить местные власти, так как ВПИ в 1920-е гг. играл ведущую роль в подготовке национальных кадров и поэтому занимал особое место среди других вузов Казани. В июле 1926 года одно из заседаний секретариата Татарского обкома ВКП(б) было посвящено обсуждению вопроса о работе ВПИ. В принятом по его итогам постановлении говорилось о необходимости «...усилить работу по созданию собственных профессорско-преподавательских кадров», «...добиваться права на оставление научных сотрудников при ВПИ по педагогическим, общественным и восточным дисциплинам, в особенности для татар и нацмен» [6, с. 65]. Это решение не было единственным. В принятом 4 июня 1926 года постановлении секретариата Татарского обкома ВКП(б) о подготовке научных работников из татар предлагалось «добиться в Главпрофобре РСФСР немедленного разрешения на оставление при Восточно-педагогическом институте аспирантов» [10, с. 279]. Однако каких-либо ощутимых результатов эти решения не принесли.

Важно отметить, что данный институт в то время являлся единственным педагогическим вузом в РСФСР, выпускавшим учительские кадры для школ всего региона Поволжья и Приуралья. В 1925-1926 уч. году в ВПИ были открыты татарское и чувашское национально-лингвистические отделения. В следующем учебном году в составе института работали уже 4 национальных отделения - татарское, чувашское, марийское и вотское (удмуртское). Фактически ВПИ обслуживал Татарскую, Чувашскую, Башкирскую, Казахскую республики, Марийскую и Вотскую автономные области. При этом институт не имел полностью укомплектованного штата собственных сотрудников. Так, в 1926 г. из 80 человек профессорско-преподавательского состава 26, т.е. фактически 1/3, являлись совместителями [Там же, с. 270]. Поэтому возможность готовить необходимые научно-педагогические кадры собственными силами имела для ВПИ немаловажное значение.

Несмотря на то, что институту не удалось сразу добиться права на открытие аспирантуры, руководство вуза предприняло ряд практических шагов к решению проблемы подготовки молодых научных работников. В марте 1926 г. Правление ВПИ по инициативе ректора С. П. Сингалевича приняло положение об институте ассистентов-практикантов, по которому из числа студентов старших курсов отбирались лица, имеющие склонность к научной работе. До окончания института они занимались научно-исследовательской работой по избранной специальности, руководили студенческими кружками, привлекались к оказанию несложной консультативной помощи студентам и учителям школ. Все это должно было помочь им подготовиться к вузовской преподавательской работе. В 1925-1926 уч. году насчитывалось 12 ассистентов-практикантов, из которых 6 представляли общественно-экономическое отделение, 4 - литературно-лингвистическое отделение, 2 - педагого-методическую комиссию [17, л. 29]. В следующем учебном году численность ассистентов-практикантов заметно увеличилась, достигнув 43 человек. В числе ассистентов-практикантов второй половины 1920-х гг. можно отметить Е. А. Грачева, Е. С. Гинзбург, Е. И. Медведева, Р. Ш. Тагирова, В. И. Адо.

Еще в 1923 г. в ВПИ был создан кабинет по изучению марксизма, в задачи которого, среди прочего, входила подготовка преподавателей по общественным наукам. Однако в первые два года существования кабинет марксизма из-за отсутствия средств и затянувшегося организационного периода не смог добиться практических результатов.

Большое внимание проблеме подготовки научной смены уделялось в ветеринарном институте. Здесь кафедры периодически привлекали к научно-исследовательской работе наиболее талантливых и перспективных студентов. Для того чтобы упорядочить этот процесс в 1924-1925 учебном году в КВИ был создан институт студентов-практикантов при кафедрах. Наиболее активно студенты-практиканты проявляли себя в ветеринарно-зоотехническом студенческом кружке, организованном в 1923 г. под руководством профессора Л. С. Сапожникова. Члены этого кружка проводили научные заседания, выпускали свой журнал «Ветеринарно-зоотехнический кружок». В 1926-1927 уч. году кружок объединял 125 членов. В течение года было проведено 10 общих собраний с проработкой 12 научных тем и 2 экскурсии [13, с. 18].

Деятельность ветеринарного института по вовлечению студентов в научно-исследовательскую работу оказалась достаточно эффективной. В декабре 1925 г. эти достижения, по докладу ректора института профессора К. Г. Боля, были отмечены на заседании ГУСа, который рекомендовал всем вузам страны использовать опыт КВИ [15, с. 140]. Таким образом, можно утверждать, что инициативы Казанского ветеринарного института и, отчасти, Восточно-педагогического института опередили решение ГУСа о создании в вузах института студентов-выдвиженцев, которое было принято в ноябре 1926 года.

В Положении об институте студентов-выдвиженцев отмечалось, что «планомерное пополнение кадра научных работников вузов не может быть достаточно хорошо проведено без предварительного выдвижения марксистски подготовленных студентов и предоставления последним фактической возможности готовиться к научной работе» [Цит. по: 1, с. 93]. В соответствии с этим положением выдвиженцы отбирались из числа академически успевающих студентов последних двух курсов, преимущественно из рабочих и крестьян.

Им предоставлялась возможность более углубленно изучать избранную специальность под руководством профессора или доцента. Студенты-выдвиженцы имели преимущества в обеспечении стипендиями.

В конце учебного года каждый студент-выдвиженец должен был предоставить в предметную комиссию доклад по своей теме с отзывом руководителя. После успешного окончания вуза студенты-выдвиженцы имели преимущественное право поступления в аспирантуру.

Появление в вузах системы выдвиженчества в определенной степени было закономерным, так как она позволяла не только приобщать перспективных студентов к научно-исследовательской деятельности, но и более эффективно регулировать социальный состав научной смены.

Институт студентов-выдвиженцев как форма подготовки необходимого контингента для аспирантуры постепенно получил широкое распространение. В 1927 г. в вузах Казани насчитывалось 166 студентов-выдвиженцев. Из них русских было подавляющее большинство - 120 человек (72%), татар - 22 (13,4%), студентов других национальностей - 24 (14,6%) [18, л. 99].

Однако не во всех вузах процесс выдвиженчества происходил гладко. Так, 3 февраля 1927 года состоялось собрание заведующих учебно-вспомогательными учреждениями физико-математического факультета КГУ, на котором обсуждались правила ГУСа о студентах-выдвиженцах. Собрание вынесло неодобрительное решение, посчитав, что «институт с педагогической точки зрения неудовлетворителен ... и невыполним. Особенности же учебного плана физико-математического факультета указывают, что учебные цели, преследуемые выдвиженчеством, достигаются в настоящее время без формального проведения этого института» [5, с. 166]. Против студентов-выдвиженцев также высказалась зоологическая предметная комиссия физмата.

Необходимо отметить, что Казанский университет, являясь старейшим вузом края, к этому времени уже имел давние и прочные традиции студенческой научно-исследовательской работы. Еще в 1910 г. здесь возник студенческий кружок «Любители природы». В 1920-1922 гг. были изданы два выпуска трудов этого кружка. Члены кружка систематически проводили летние экспедиции в разные районы Поволжья. Также активно в КГУ развивалась деятельность медицинского, физико-математического и географического кружков. Студенты приобретали в них необходимые навыки самостоятельной научно-исследовательской работы, вносили определенный вклад в научную работу кафедр. Многие из них стали в дальнейшем научными работниками и преподавателями вузов и научно-исследовательских учреждений.

Важное место в процессе подготовки и совершенствования новых научных кадров играли научные командировки за границу. Однако такая практика в казанских вузах не получила широкого распространения. Лишь с конца 20-х гг. некоторые представители научной молодежи Казани получили возможность прохождения стажировки в ведущих центрах мировой науки.

В марте 1929 г. ВСНХ СССР предоставил одному из первых аспирантов КГУ Н. Г. Четаеву одногодичную командировку в Германию для работы в Геттингенском университете. Там он ознакомился с передовой для того времени аэродинамической школой Л. Прандтля, продолжая вместе с тем свои исследования по устойчивости движения. В марте 1930 г. Н. Г. Четаев вернулся в Казань и сразу же был утвержден доцентом, а уже в сентябре того же года его в неполные 28 лет утвердили профессором на кафедре механики [14, с. 44].

В январе 1929 г. командировку в Германию получил один из первых татарских химиков Г. Камай, обучавшийся в аспирантуре КГУ под руководством профессора А. Е. Арбузова. До 1 сентября 1930 г. он работал в Тюбингенском химическом институте в лаборатории профессора Я. Мезенгеймера. После возвращения в Казань Г. Камай был утвержден доцентом КГУ и КХТИ, назначен зам. директора КГУ. В октябре 1931 г. его избирают профессором КГУ и КХТИ. Г. Камай оказался в числе тех немногих молодых татарских ученых, которым удалось сделать столь быструю научную карьеру.

Следует отметить, что в 1920-е гг. проблема подготовки научных кадров из татар стояла очень остро. Особое внимание этому вопросу уделялось Академцентром Татнаркомпроса. В сентябре 1925 г. в честь 200-летия Академии наук СССР СНК ТАССР были учреждены две стипендии для повышения квалификации молодых ученых. Они были назначены Н. Хакиму и С. Курбангалееву. Ежемесячно им выплачивалось по 100 руб. Кроме того, Академцентр оказывал материальную помощь аспирантам татарам, обучавшимся как в Казани, так и в Москве и Ленинграде.

Таким образом, на протяжении 1920-х гг. проблема новых научно-педагогических кадров решалась различными путями. Важным событием этого периода стало введение аспирантуры. В дальнейшем аспирантура, постепенно набирая опыт, развиваясь и совершенствуясь, стала основным источником подготовки кадров для системы высшего образования и науки.

Список литературы

1. **Галкин К. Т.** Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М.: Советская наука, 1958.
2. **Главацкий М. Е., Чуфаров В. Г.** О формировании научно-педагогической интеллигенции в СССР // Из истории советской интеллигенции. Новосибирск: Наука, 1974.
3. **Дергачева Л. Д.** Социальный портрет аспирантуры Московского университета 20-х - сер. 30-х гг. // Вестник МГУ. Серия 8. 1989. № 1.
4. **Иванова Л. В.** У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов. 1917-1929 гг.). М.: Мысль, 1968.
5. **История Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина.** Казань: Татполиграф, 1954.

6. Казанский государственный педагогический институт // Ученые записки КГПИ. 1974. Вып. 132.
7. Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина в 1927-1928 учеб. году. Казань, 1928.
8. Казанский институт сельского хозяйства и лесоводства. 1927-1928 год // Известия КИСХИЛ. Казань, 1928.
9. Корбут М. К. Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Казань: Б. И., 1930. Т. 2.
10. Культурное строительство в Татарии. 1917-1941: сборник документов и материалов. Казань, 1971.
11. Лебин Б. Д. Подбор, подготовка и аттестация научных кадров в СССР. М.-Л.: Наука, 1966.
12. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 73.
13. Отчет Казанского государственного ветеринарного института за 1926-27 уч. год // Ученые записки КГВИ. 1928. Т. 38. Вып. 1.
14. Рассказы о казанских ученых. Казань: Тат. кн. изд-во, 1983.
15. Студенцов А. П., Сабин И. М. Казанский государственный ветеринарный институт им. Н. Э. Баумана (1873-1953) // Ученые записки КГВИ. 1956. Т. 63.
16. Ученые записки КГВИ. 1926. Т. 37. Вып. 1.
17. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф. 15. Оп. 2. Д. 173.
18. Там же. Д. 587.
19. Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы (1917-1938 гг.). Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1974.

SCIENTIFIC-PEDAGOGICAL STAFF TRAINING IN TATAR AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC IN THE 1920S

Nail' Fannurovich Fakhрутdinov

*Department of Tatarstan History and Region Studies
Tatar State Classical-Pedagogical University
nailfakhrutdinov@mail.ru*

The article is devoted to the history of scientific-pedagogical staff training in Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1920s. The author considers the basic forms and ways of solving the problem of new staff in Kazan' institutes of higher education.

Key words and phrases: postgraduate course; postgraduate students; assistant lectures - trainees; scientific-pedagogical staff; students - candidates for promotion.

УДК 908(571.12)+352

Исследуется деятельность Березовской уездной милиции, учрежденной в марте 1917 г. взамен царской полиции, до образования в феврале 1920 г. Советами рабоче-крестьянской милиции.

Ключевые слова и фразы: милиция; участковые милиционеры; Тобольская губерния; Березовский уезд; Временное правительство.

Александр Борисович Храмов, к.и.н

*Кафедра государственного и муниципального управления и права
Тюменский государственный архитектурно-строительный университет
khrantsov_ab@bk.ru*

БЕРЕЗОВСКАЯ УЕЗДНАЯ МИЛИЦИЯ В 1917-1919 ГОДАХ: ОТ ОРГАНИЗАЦИИ ДО ЛИКВИДАЦИИ[©]

Февральская революция 1917 г. повлекла за собой смену власти по всей России. В системе Министерства внутренних дел упразднились Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции со всеми их структурами как в центре, так и в городах и селах. Не осталось на местном уровне губернаторов, полицмейстеров, уездных исправников, приставов и надзирателей. Были разгромлены полицейские и жандармские управления, охранные отделения и уничтожены их архивы. Постановлением Временного правительства от 14 марта 1917 г. «Об учреждении милиции» местному самоуправлению передавалась охрана общественного порядка: «милиция есть исполнительный орган государственной власти на местах, состоящий в непосредственном ведении земских и городских общественных управлений» [8]. Финансирование милиции осуществлялось за счет городов и земств. В колчаковский период порядок финансирования милиции изменился. Ей предоставлялись кредиты от МВД Сибирского правительства. На городские и уездные земские управы возлагалась 1/3 расходов: натуральная квартирная и дорожная повинности [5, д. 4, л. 52-53].